

Иларион Алексеевич Чистович

В память графа Михаила Михайловича Сперанского Иларион Алексеевич Чистович

(на 1-е января 1872 года)

Восемьдесят два года назад (в 1789 г.) Михаил Михайлович Сперанский вступил в ограду Невского монастыря никому неизвестным юношей-семинаристом и тридцать два года назад (в 1839 г.) нашел в той же ограде вечный покой уже государственным мужем, графом, приобретшим себе историческое имя своими трудами и заслугами на пользу России.

Еще довольно лиц, которые были свидетелями его своеобразной и странной судьбы, которые его видели и знали и были, наконец, участниками в печальном обряде его погребения. Но уже не осталось в живых людей, которые были очевидцами скромной жизни его в стенах монастыря, в положении семинарского ученика и потом учителя. Никто не укажет комнаты, где он жил, где учился и учил, хотя все мы знаем, что это федоровский корпус, который до сих пор стоит почти в том же виде, как был при Сперанском, и в котором после него жили Евгений (митрополит киевский), оба Филарета (киевский и московский), оба Иннокентия (пензенский и херсонский) и многие другие.

Служебная государственная деятельность Михаила Михайловича вся на виду, за исключением того, что не видимо для очей постороннего свидетеля жизни. Но годы его детства и юности, годы воспитания, учительства, прошли в неизвестности, потому что никто не предугадывал, по скромному началу жизни, ее широкого развития в будущем; не многие интересовались этой жизнью, и, уже после, из отрывочных воспоминаний о годах детства и юности М. М. Сперанского собрали кое-что, пополнившее образ этой дивной жизни.

Сперанский вышел из народа, выделился из массы, как самородок. Его можно, по происхождению, относить к духовному сословию, хотя сословия тогда собственно еще не существовало. Оно явилось после и не без его участия. Духовное юношество и теперь еще принадлежит народу, составляет часть его в самом тесном смысле слова, внедряющуюся во все сословия и слои жизни. В ту пору оно еще теснее сближалось и, так сказать, сливалось с народом.

Эта масса, некогда униженная и презираемая, дала много деятелей. Ломоносов выступает и выделяется из других только тем, что сам себе пробил дорогу в науку. Но и многие также сами пролагали себе пути к образованию. Знаменитый Феофан Прокопович, сын киевского мещанина, Феофилакт Русанов, земляк Ломоносова, сын дьячка из Архангельской губернии, Платон и Филарет – сыновья священников, митрополит Михаил – сын пономаря, Иннокентий (пензенский) – сын дьячка, и м. Серафим – также сын дьячка, – вот наши знаменитости. Все они вышли из массы не богатой, не родовитой, не фамильной, вышли из народа.

Но другие шли по дороге, где превосходство легче достигается, где, по своей специальности, оно не встречает значительных преград, хотя не имеет за то достаточно широкого развития и не вносит до такой степени ощутимой для всех пользы. Сперанский вышел в свет, где путь к превосходству встречает преграды, где знатность заслоняет незнатным дороги, где предубеждение противопоставляет уму даже оскорбления, где число соискателей всегда превышает число действительно достойных деятелей, где, наконец, успех часто зависит от случая, а не от дарования.

К трудностям первого возвышения присоединились неровности судьбы, низведшей Сперанского с верхних ступеней до униженного положения, грозившей запятнать самое имя его позором. Мощь духа вывела его из этих теснин также, как прежде вывела его из монастырских келий на широкую государственную дорогу.

И вот у гроба его собралось все, что было сановитого, фамильного, родового, титулованного, знатного в мире.

Повелитель миллионов, с Наследником престола, которому М. М. Сперанский имел высокую честь преподать курс юридических знаний, несут гроб подданного, имя которого слилось с двумя царствованиями и заслуги которого вплелись украшением в два царственных венца. А теперь, в юбилейный день М. М. Сперанского, через сто лет от рождения его, имя его несется по всей России, неся в себе призыв к почтению его трудов и заслуг.

Честь царствованию, которое призвало его к деятельности и оценило на первых порах его служения. Честь царствованию, которое доверило ему совершение великого дела – Собрания и Свода Законов Империи – и которое отличило почетом его последующее служение. Честь царствованию, которое чтит благодарным воспоминанием заслугу и доблесть, ставшие народным достоянием. Честь веку, который умеет ценить ум и заслугу.

Достойнейший жизнеописатель графа Сперанского, барон М. А. Корф, с редким трудом собрал и с искусством изложил все, относящееся к частной и служебной деятельности М. М. Сперанского. Не внося почти ничего нового в историю Сперанского, мы соберем вместе только те черты из его жизни и деятельности, которые имеют отношение к духовным училищам и духовному образованию.

Пусть будет это с нашей стороны данью благодарности великому человеку в исторический день его столетнего юбилея. Это – скромный венок на его могилу. Пусть будет он последним в ряду приношений, которыми усердие разных сословий и состояний почтит в этот день знаменитое имя.

М. М. Сперанский вдвойне прошел семинарский курс – во Владимире и в С.-Петербурге. В александроневской семинарии, куда с 1788 г. положено было вызывать лучших учеников из других семинарий, для приготовления к учительским должностям, Сперанский с 1789 г.¹ прошел только высшие классы. При поступлении ему было 17 лет – годы очень молодые по сравнению с товарищами. Жил он во все время учения и учительства в федоровском корпусе, где помещалась

потом и академия, до построения теперешнего академического дома.

Ректором семинарии, в бытность Сперанского студентом и почти во все время его учительства, был архимандрит Иннокентий Дубравицкий. Вызванный в невскую семинарию в одно время с Сперанским, И. И. Мартынов, из Полтавы, сохранил в своих «Записках» первые впечатления, произведенные на него и товарищей его встречей с новым начальником. «Явились мы, – пишет он к ректору семинарии, архимандриту Иннокентию Дубравицкому. – Мы удивились молодости и быстроте своего нового начальника. Дарования необыкновенные и суетность выказывать оные другим сверкали в маленьких, полузакрытых очах его. Кажется, при первом свидании мы уже узнали его в половину и радовались внутренно, что будем иметь такого любезного начальника»². В 1793 г. Иннокентий приглашен был к преподаванию закона Божия великой княгине будущей императрице, Елизавете Алексеевне. Все обещало ему блестящую будущность; но какой-то поворот обстоятельств преградил ему путь к возвышению. В 1795 г. он оставил должность ректора и вскоре затем, еще в молодых летах, скончался в Юрьеве монастыре. Иннокентий преподавал Богословие. – Класс философии занимал вызванный из Ярославля иеромонах Павел Предтеченский. Он же был и префектом. Судя по отзывам его слушателей, философия не процветала тогда в с.-петербургской семинарии. Преподавалась она, конечно, на латинском языке. – Более счастлив был подбор наставников по словесным наукам. Преподавателями поэзии, риторики и красноречия были: Иван Семенович Державин, впоследствии обер-священник армии и флота и член Св. Синода, человек весьма достойный и в свое время уважаемый. Известны стихи его: «Приказ моему секретарю», в ответ поэту Державину на его «Приказ моему привратнику», – шутка, для которой И. С. Державин воспользовался музой теперь почти забытого духовного поэта – слепого священника Пакатского³. Другим преподавателем этих наук был Андрей Семенович Братановский, в 1790 г. вступивший в монашество и названный Анастасием. Всем

известно слово его на смерть И. И. Бецкого, доставившее ему почетную известность. Третьим преподавателем был Николай Иванович Знаменский, наставник очень трудолюбивый, издавший несколько полезных сочинений для учебного употребления в духовных семинариях и училищах. В год окончания курса М. М. Сперанского Знаменский вступил в монашество, назван Антонием, был архиереем в нескольких епархиях; к концу царствования императора Александра I был присутствующим в Синоде и, как гласила молва, вследствие настойчивости по одному крупному делу, удален из Синода в епархию (ярославскую), которую и оставил удалившись на покой. Физике обучали профессор Гаррах и адъютант академии наук А. К. Конов, а по выбытии Гарраха – архимандрит Николай Киждобрянский, серб, из «военного чина», обучавшийся «в разных академиях» и бывший ректором новгородской семинарии до закрытия ее в 1788 г. Николай был человек уже пожилой (58 лет). В формулярном списке его значится, что в 1791 г. он представлен был вторым кандидатом на екатеринославскую викарную вакансию, но вместо того получил иверский монастырь. – Чистой математике обучал с знанием дела, Н. Д. Максимов, обучавшийся сам в учительской гимназии⁴. Французскому языку обучал Гутсман и Вольмер. Вот весь круг наук, которым Сперанский обучался в высших классах невиской семинарии. Как ни было недостаточно образование, даваемое в «главной семинарии», все же оно было выше того, какое давалось в прочих семинариях. Физика и высшая математика преподавались только здесь и наставниками лучшими для своего времени. Не удивительно, что Сперанский так привязался к этим наукам и изучил их в такой мере, что потом сам мог преподавать их. Преподаватели словесных наук также не лишены были дарований и вкуса.

«Проходя науки, преподанные нам в семинарии, – говорит в своих «Записках» И. И. Мартынов, – мы не упускали из вида пользоваться и другими средствами, каковыя столица представляет в изобилии». Без всякого сомнения это относится к М. М. Сперанскому. Наряду с другими он говорил проповеди в невиском монастыре и в городских приходских церквях.

Старшими⁵ товарищами Сперанского по семинарии были: Феодор Гаврилович Русанов, впоследствии знаменитый Феофилакт, епископ калужский, архиепископ рязанский, скончавшийся, еще в цветущих летах, митрополитом, экзархом Грузии, и – Андрей Иванович Максимович, по выходе из семинарии священник и, по вступлении в монашество, с именем Анатолия, бывший епископом полтавским, минским и, наконец, симбирским архиепископом. Ближайшими товарищами его были: И. И. Мартынов, известный переводчик греческих классиков, издатель «Музы», «С.-Петербургского Меркурия» и «Северного Вестника», член российской академии, главного правления училищ и почетный член всех тогдашних русских университетов, по должности директора департамента народного просвещения принимавший самое близкое участие в образовании педагогического института, царскосельского лицея и гимназий. П. А. Словцов, сибиряк, человек весьма даровитый, но не нашедший своего признания и известный не столько по своим сочинениям, сколько по дружбе и по письмам к нему Сперанского. Д. В. Илличевский, вышедший губернатором в Томске, когда Сперанский был генерал-губернатором Сибири, – человек иных расположений и правил, нежели Сперанский, чиновник старого покроя, едва не удаленный от должности Сперанским. А. И. Шестаков, из Вятки, известный только тем, что в семинарии был побогаче своих товарищей, лакомил их угощениями и ссужал Сперанского порядочным сюртуком, когда ему нужно было отправляться на частные уроки. Известны также: Н. И. Анненский, бывший юрисконсультом при департаменте юстиции, переводчик нескольких сочинений на русский язык; И. Д. Павинский (из олонецкой семинарии), по окончании курса священник в С.-Петербурге и в Копенгагене, по возвращении протоирей, духовник вел. кн. Екатерины Павловны, впоследствии в монашестве Иона, бывший епископом орловским, тверским и, наконец, казанским архиепископом, и Михаил Степанович Сахаров (из ярославской семинарии), в монашестве Августин, епископ оренбургский, занимавшийся собранием духовных законов. Остальные товарищи Сперанского менее известны⁶.

В 1792 г. 19 мая Сперанский определен учителем, а 8 июня подписался под присяжным листом: учитель математики. За первую треть выдали ему жалованья 40 р. (жалование тогда выдавали по третям года). С 19 августа того же года прибавили ему физику и красноречие, с жалованием по 66 р. 66 $\frac{1}{2}$ к. в треть. В 1795 г. 7 апреля, при назначении Антония Знаменского ректором на место Дубравицкого, Михаил Михайлович назначен префектом и учителем философии и физики, с жалованием по 91 р. 66 $\frac{1}{2}$ коп. в треть. В 1796 г. 20 декабря он вышел из семинарии⁷.

Особенного в ходе его семинарской службы было то, что он, против обычая, не проходил чрез низшие классы; потом, при назначении учителем красноречия преподававшегося в высшем классе, опередил старших наставников, в том числе Феофилакта, который был уже монахом и вскоре затем вышел из академии. Весьма вероятно, что и Сперанскому предлагали вступить в монашество. «Вам известно, – писал он к бывшему своему префекту во Владимире, архимандриту Евгению, – что я имел удачу быть префектом и, что всего больше, избегу всех козней и искушений, с которыми я, стоя на сем месте, встречался. Как бы то ни было, я ускользнул»⁸.

Из товарищей Сперанского, И. И. Мартынов, поступивший на службу в один день с ним, вышел из семинарии за два с половиной года до выхода Сперанского. Мартынов поступил в иностранную коллегию. Феофилакт, как мы сказали, оставил семинарию года за три до выхода Сперанского. Любопытна судьба П. А. Словцова, к которому Сперанский был очень близок. По окончании курса он отправился в Сибирь и был учителем философии в Тобольске. С год все шло хорошо. Потом он сказал в церкви какую-то проповедь не подходящего свойства⁹, потерял место и снова приехал в С.-Петербург искать счастья. Сперанский, сделавшись префектом, пристроил его в здешней семинарии на занимаемый им до тех пор класс красноречия. Оставшись в семинарии после Сперанского, Словцов подал прошение о пострижении его в монашество; состоялся уже указ из Синода на имя митрополита Гавриила о его пострижении (2 марта 1797 г.)¹⁰; но Словцов передумал и

вышел на гражданскую службу в департамент министерства коммерции. Бескорыстный сам, он считал и подчиненных своих бескорыстными: но на самом деле было не так. П. А. Словцова отправили на службу в Сибирь, в штат тамошнего генерал-губернатора. Знаменитый изгнанник из Перми в 1813 г. обращал своего друга, в горестях его общественного положения, к религиозным утешениям. «В горьких внешних обстоятельствах не иметь внутренних верных утешений конечно весьма горестно. От вас бы, однако же, зависело их иметь». Сперанский обращал его на путь покаяния и креста – к вере¹¹. В 1820 г., бывши уж генерал-губернатором Сибири, Сперанский снова встретился с Словцовым, который был в ту пору визитатором сибирских училищ и жил в Иркутске, и писал о нем к своей дочери: «я привык здесь к своему уединению; не с кем слова промолвить. Словцов, один из умных и некогда острый человек, болен и стар. Это потухающий огонек, который изредка только вспыхивает»¹². Словцов умер в Тобольске в 1843 году¹³.

Памятником дарований и трудов М. М. Сперанского на учительском поприще, в эти ранние годы его жизни, остались Правила высшего красноречия, изданные уже после смерти И. Я. Ветринским. Отчего он не издал их сам в ту пору, когда они были бы явлением более чем приметным? Кажется, «правила» сами делают ответ на этот вопрос: «надобно прежде исчерпать все посредственное, чтобы потом написать что-нибудь истинно красноречивое. Это потому, что все наилучшее в знаниях всегда лежит, так сказать, на дне; это потому, что ум наш утончается постепенно, и утончается собственным своим упражнением. Тысячи изображений нравились нам в первых опытах нашего пера. Они имели для нас удовольствие новости; они ласкали нашему самолюбию, ибо они были, так сказать, первенцы нашего ума. Но мы поступили далее и теперь их презираем; мы поднялись на высоту, с которой, взирая на сии первые покушения, смеемся и себе и им»... «Напиши сто небольших сочинений; прочитай их с доброй критикой; брось их потом в огонь и продолжай дальше писать. Первое, последующее за ними, творение положит эпоху твоего красноречия, и ты сможешь быть уверен, что совершил первый к нему шаг. Я

знаю, что сие правило покажется строго; я верю, что это – удар для самолюбия. Но не надобно себя обманывать, говорит Лонгин»¹⁴.

М. М. Сперанский был строг к себе, может быть, – слишком. Уроки его о красноречии, во всяком случае, выше всего, что мы имели в то время оригинального по части теории красноречия. Недостатки несколько вычурного и переплетаемого славянизмами языка, довольно тяжеловатая речь и обращение к образцам исключительно французским – общи ему с другими; но тонкость критики, чистота и изящество вкуса, глубокий психологический анализ, строгая логическая отдельность понятий, ясность и живость представления, одушевленность изложения и, наконец, приемы, возвышающие его как настоящего профессора над учителями-риторами, составителями рутинных правил сочинения, – все это такие достоинства, которые сделали бы честь профессору красноречия и в другое время, знакомое с лучшими теориями и образцами красноречия.

Недавно найдены в Сибири, в Иркутске, у сына одного из учеников Сперанского, записки по физике, которую М. М. также преподавал в здешней семинарии. Начало их напечатано в 3-й книге «Чтений» московского исторического общества за 1871 год, под заглавием: «Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная невольской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским. В С.-Петербурге, 1797 года»¹⁵. Вот несколько строк из введения в физику:

«Свет, со всем своим разнообразием, представляет нашему вниманию только два великие предмета: природу и человека, и посему весь круг наук совершается двумя только знаниями. Первое называется физика, другое нравственной философией. Все прочие познания только суть отрасли сих двух корней, отрасли часто удаленные, но всегда на них утверждающиеся, не восходя к сему началу».

«Если бы физика была только наука смотреть на природу с удовольствием, сего одного было бы уже довольно, чтобы дать ей первое место в наших упражнениях и вместить ее в число наук истинно полезных для человека. Зрелище природы, сие

зрелище столь великолепное, столь трогательное, в очах просвещенного, но для невежды есть мертвое и немое изображение. Столько веков протекло, как оно ничего не говорило сердцу его, ни уму, и свет для человека, со всеми его красотами, был только одна обширная пустыня, где брошен он скучать или бегать за мечтами. По необъятным небесным сводам, в кругах, рукою Превечного начертанных, катились громады пламенных тел: и он не зрел в постоянном шествии их славы их Создавшего, ни око его, ни ум не досязал до зыблущихся высот эфира, где плавают они в величественном покое; миры для него не существовали; казалось, что природа с пределов их столь непроницаемую спустила к нам завесу, что даже и бытия их подозревать было не можно; она со всех сторон обложила святилище своих тайн непроницаемым мраком – и взор человека не дерзал в него проникнуть. Круг его понятий отовсюду был стеснен; он жил в очаровательной стране, где он всему дивился и ничего не понимал. Какая жизнь, когда ни сердце, ни ум его ни в чем, окружающем его, не принимали никакого участия? В собственном своем владении он был странник и пришелец. Таков был ум человека в его младенчестве. Наконец, когда, испытав тысячу преткновений, истощив тысячу тщетных усилий и исчерпав все роды заблуждений, он в течение веков возрос и, как бы отведывая сил своих, начал искать прямого пути к природе; когда луч истины, пробившись сквозь тучи предрассудков, дошел даже до него и следом своим начертил ему стезю к ее храму: с тех пор человек, по крайней мере, знал место ее пребывания. Но чтобы по тонкой и скользкой сей стезе осмелиться к ней идти, надлежало родиться великому человеку. Декарт родился, сделал один шаг и стал у великих врат ее. исполинской ногой он преступил целый ряд нелепых заблуждений, целыми веками сгроможденный. Он озрелся вспять и видел уже одни только развалины, над коими плакал предрассудок и мрачный носился дух зависти. Декарт сделал собой эпоху в истории человеческого разума. Но всеобщий дух не столько еще созрел, чтобы можно было вверить ему таинственный ключи природы; он не мог еще им владеть, но только был еще юноша».

«Довольно, что Декарт двинул его одним почти приемом на необъятное расстояние и, схватив с непонятной силой, вдруг от мистических нелепостей поставил его среди вихрей. Это правда, что месье сие недалеко отстояло от самой истины, но оно лежало на дороге к ней. Декарт не вошел в храм ее, но он указал дверь и проложил к нему путь. Между тем как по сему новому пути одни толпились к храму, другие, разделясь на философские расколы, спорили и заблуждали, природа в тишине образовала Ньютона. Она множество лет употребила только на то, чтобы приготовить материю быстрому и всеобъемлющему его размышлению: она произвела Кеплера, Гугения, Галилея собственно для того, чтобы, сложив умы их в одну массу, воспитать ими ум Ньютона. Всеобщий разум явился в нем во всей своей силе, так сказать, и возмужалости; ничего природа от него не скрыла и раз повторила на всегда своему любимцу ключ своих таинств. Он отверз двери истины и первое его слово применило законы мира. Он взвесил солнце и луну, и первый сказал, что все во вселенной тяжело. Три слова сии пролили руку света на систему природы и покорили все движения одному постоянному закону. Между тем как Ньютон с телескопом в руках открывал нам один конец вселенной, умы тонкие и наблюдательные, взяв микроскоп, открыли другой конец ее и обрели мир бесконечно малых. В воде и воздухе найдены мириады животных, непостижимых глазу и едва постижимых воображению. Таким-то образом человек, расширяя пределы миры, раздвинул и круг своих понятий: он познакомился с вещами, его окружающими, и в испытании их нашел источник удовольствий всегда чистых, всегда новых и всегда разнообразных».

«Сия наука открывает нам бесконечное поле познаний – поле тем более расширяющееся, чем далее мы в него проходим: итак не должно себя ласкать, что мы приступаем изменить все его пространство. Нет, мы хотим только открыть путь, по которому надобно идти. Утвердив себя в главных началах и совершив обыкновенный круг сей науки, мы только поставим себя в состояние разуметь творения великих людей в сем роде; мы станем при дверях: но чтобы войти в самую внутренность, к

сему уже не требуется руководство, но собственная охота. Мы пойдем за Винклером: его физика содержит в себе все начала сей науки. Если достоинство сего рода сочинений состоит в полноте материи, сопряженной с краткостью, то его творение пред многими возьмет преимущество. Но та же самая полнота и краткость не позволила ему остановиться и осмотреть разделение места важнейшие; его долг был представить полное целое, но никто не может от него требовать всей подробности в частях».

«Приложите к сему, что не проходит двадцати лет, чтобы не сделано было в сей науке некоторых открытий вновь, или чтобы не объяснены были некоторые из древних; ибо физика сделалась любимой наукой лучших умов нашего века, и потому естественно, что вид ее от непрерывного трения их, в некоторых частях переменяется. Утверждаясь на сих двух рассуждениях, нам должно будет дополнить свою физику в некоторых статьях, другие совсем переменить и представить новейшие теории некоторых вопросов. Все сие постараемся мы исполнить в некоторых примечаниях: в них я буду помещать все, что успею найти лучшего в новейших писателях, и если ничего не скажу своего, то все скажу по-своему».

Издатель физики (О. М. Бодянский) не теряет надежды, что может быть найдутся также со временем и чтения Сперанского по философии. *Accidit in puncto, quod non contingit in anno.*

В четыре года учительства у М. М. Сперанского было, конечно, не мало учеников, которых также продолжали вызывать из других семинарий. Не обидно сказать, что равного ему не было. Однако же, многие из его слушателей приобрели некоторую известность, в своих сферах потрудились честно и принесли свою меру пользы. Даровитейшим из них был Федор Петрович Ласкин (из коломенской семинарии), в монашестве Флавиан, бывший после Сперанского префектом и, наконец, ректором академии. Жизнь его скоро пресеклась. (2-го февраля 1808 года)¹⁶. И. И. Бедринский, протоиерей с.-петербургского казанского собора, член российской академии и многих ученых обществ, перевел много сочинений духовного содержания на русский язык. (Ум. В 1831 г.)¹⁷. Т. А. Вещезеров, кафедральный

протоиерей в С.-Петербурге и член конференции с.-петербургской духовной академии. Алексей Васильевич, в монашестве Амвросий Рождественский, из села Вещезера, новгород. губ.¹⁸, скончавшийся в 1825 г. тобольским епископом. Александр Иванович Телятинский, по окончании курса, учитель в тамбовской семинарии и протоиерей, после того в монашестве Афанасий, ректор тамбовской семинарии, епископ-викарный московский, тамбовский и, наконец, архиепископ донской¹⁹. А. С. Лукин, из учителей невской семинарии ректор армейской семинарии и, наконец, профессор философии в казанском университете, автор «Писем о философии Канта» (Вестник Европы 1805), «Начертания метафизики» 1818 г. и переводчик «Курса философии, Снелля», Казань 1813 – 1814 г.²⁰. И. С. Добронравин, протоиерей скорбященской церкви в С.-Петербурге, член конференции с.-петербургской духовной академии, ум. в 1826 г. П. Н. Мысловский вышел из семинарии до окончания полного курса, однако же с достоинством проходил потом законоучительскую должность в разных учебных заведениях и избран был в члены российской академии. Скончался протоиереем с.-петербургского казанского собора в 1846 г. Г. И. Мансветов (из Тобольска), бывший священником в Тобольске, законоучителем в высшем училище и в первой гимназии в С.-Петербурге; впоследствии – обер-священник армии и флота, известный «Училищем благочестия» и изданием многих духовно-нравственных сочинений; умер в 1832 году²¹. Яков Ив. Воскресенский, законоучитель екатерининского института и потом протоиерей исакиевского собора, написавший несколько сочинений по литургике, ум. в 1836 г.²². В семинарии учился при Сперанском, в поэтическом и риторическом классах, младший брат его Козьма Мих. Сперанский, вышедший в 1789 г. из философского класса и после того, кажется, учившийся в московском университете²³.

Быстрое, неслыханное и почти баснословное, для человека его происхождения, возвышение М. М. Сперанского, по выходе его из семинарии, не входит в план нашей записки. Не знаем,

радовались ли люди его прежнего круга его возвышению, но оно было счастьем не для него одного.

В 1807 году, после долгих и многих сборов, предположений и попыток, дошла очередь до капитальной реформы духовных учебных заведений. По высочайшей воле, благодаря могуществу синодального обер-прокурора, князя А. Н. Галицина, образован Комитет о преобразовании духовных училищ. М. М. Сперанский назначен в число членов этого комитета. Состав его был небольшой. Митрополит Амвросий, Феофилакт, вызванный пред этим из Калуги, и духовник Их Величеств С. Ф. Краснопевков (старше Сперанского по невской семинарии 25 годами) вошли в него с духовной стороны; из светских вошли только двое: князь А. Н. Голицын и статс-секретарь М. М. Сперанский. Краснопевков вскоре умер, и на его место назначен в Комитет И. С. Державин, бывший наставником Сперанского в семинарии.

В Комитете опять встретились два товарища, разошедшиеся в разные стороны, Феофилакт и Сперанский, оба молодые, а уже стоявшие на высших ступенях иерархии, один – церковной, другой – гражданской. Еще архимандритом, Феофилакт назначен был в члены Синода, когда Сперанский проходил еще низшие чины; в 1799 году посвящен в епископы калужские и в день посвящения украшен анинской звездой. «Человек молодой, – писал о нем м. Платон к м. Амвросию 5 февраля 1800 года, – и не сану отважный». Калужская епархия выделена была из московской. В разделе вышли споры; за спорами пошли неприятности. Платон жаловался Амвросию; «но – писал потом с горечью – он и сие немного уважает». В 1807 году, ввиду реформы духовных училищ, князь Голицын вызвал его в С.-Петербург, вероятно по указанию М. М. Сперанского. «Голова калужская тут накружит», – писал опять Платон к Амвросию 16 марта 1808 г.

Зловещие предсказания знаменитого некогда старца, не легко мирившегося с своим старческим положением, не сбылись, по крайней мере, в отношении к реформам духовных училищ; но лично Феофилакту напорочили недоброе.

История преобразования духовных училищ в 1808 г. еще не выяснена до сих пор. Она имела несколько фазисов. Первый занялся этим делом по поручению, вероятно, кн. Голицына, Евгений (Блоховитинов), викарный новгородский. Еще в 1805 г. план его внесен был в Синод и доложен Государю. Подробности этого плана не известны; но несомненно одно, что Евгению принадлежит мысль о разделении семинарий на округа и подчинении их академиям²⁴.

Кажется, этот план и лег в основу работ Комитета. Но что из него удержано – трудно сказать с определенностью.

Задача Комитета состояла в том, чтобы устроить управление духовных училищ на твердых и однообразных началах, возвысить духовное образование и привести его в полное соответствие с высокими целями духовного служения и, наконец, приискать средства для возвышения содержания училищ.

План нового устройства духовных училищ, предположенный и осуществленный в 1809 г., довольно известен. Существенные черты его – отделение училищ от семинарий, разделение семинарий на округа и подчинение их академиям, с сосредоточением управления в высшем духовно-учебном установлении (в Комиссии духовных училищ). С возвышением вообще образования в духовных училищах, возвышена особенно классическая ученость, которую Комитет хотел как бы специализировать для духовных училищ. «Известно, – сказано в журнале Комитета, – что в Англии, в Германии и в прежней Франции духовенство имело нарочитый степень учености. В оксфордском университете и ныне еще знание древних языков составляет главнейший предмет. Греческий и латинский язык, не только в университетах, но и в низших училищах, приемлется и по ныне основанием словесности. Для чего бы и в России духовенству не дать а особенный удел сию часть просвещения? Греческий язык особливо должен занимать, между прочими познаниями, важное место. Все призывает духовенство наше к сему познанию – и начало нашей церкви и разумение свящ. книг, невозможное почти без знания греческого языка, с коего они не переведены, но так сказать, сняты, и собственный наш

язык, образованный совершенно по греческому: все делает изучение сего языка для духовных наших не столько полезным, но совершенно необходимым и даже предпочтительным пред изучением языка латинского. Можно быть уверенным, что от сего и вообще система народного просвещения получила бы более твердости и силы. Словесность наша, ныне пресмыкающаяся, так сказать, по следам французских и других иностранных писателей, может быть получила бы от сего собственный характер. Красоты самого обильнейшего и прекраснейшего языка в свете перешли бы сами собой в наш язык, древним родством и всеми отношениями уже с ним сопряженный. Сама трудность ученых изысканий лучше бы раскрыла в наших писателях мыслящие их силы, цепенеющие теперь в одном непрерывном подражании. Изыскания сии привели бы из к самым тем источникам, из коих образцы их почерпали свои богатства, и от них тогда бы зависело не подражать им, но с ними поравняться».

Но, в то же время, назначив духовные училища исключительно для детей духовенства и положив замещать священнические места исключительно лицами, получившими образование в сих училищах. Комитет специализировал сословие и сделал его замкнутым, чего до сих пор, по крайней мере *de jure*, не было.

Кому принадлежит мысль о свечной продаже при церквах, как главном источнике содержания духовных училищ, трудно сказать. В журналах Комитета она идет, в двух проектах, от Амвросия, Сперанского и Феофилакта.

За труды по Комитету М. М. Сперанский награжден орденом св. Владимира 2-й ст. Замечательны лестные слова грамоты, при которой дан ему этот орден: «отличные труды ваши в Комитете о усовершенствовании духовных училищ, в коем вы столь много содействовали к окончанию дела, полезного для духовенства, Нас удостоверяют еще более, что всякого рода поручения вы исполняете всегда к удовольствию Нашему»²⁵.

Феофилакт перед этим, в феврале 1808 года, пожалован (в другой раз) членом Св. Синода; в июне – владимирской звездой, в декабре – саном архиепископа, а в марте 1809 г.

переведен на рязанскую кафедру, с оставлением в С.-Петербурге.

26 июня 1808 г., предположения Комитета удостоились высочайшего утверждения. Комитет, оставленный в том же составе, переименован в Комиссию духовных училищ.

Комиссии предлежали две задачи: дать уставы духовным училищам и для первого образования с.-петербургской академии, которая должна была потом дать преподавателей другим академиям, приискать способных наставников.

Сперанский взял на себя составление уставов, но, составив и в феврале 1809 г. внесши в Комиссию первую часть академического устава, отказался от продолжения этого дела, «по уважению многих разнообразных занятий и обязанностей, на него возложенных». Окончание этого труда поручено было Феофилакту. В коротенькой записке, приготовленной на случай, мы не сочли удобным выходить в рассмотрение этих уставов, хотя они вообще, и в частности устав академий, перестали уже быть действующим законом и сделались историческим маятником, подлежащим исследованию и заслуживающим внимательного изучения.

В заботах приискании способных наставников для с.-петербургской академии члены Комитета разделили между собой это дело и назвались протекторами классов. Феофилакт сам вызвался быть профессором словесности и перешел жить в лавру. Первое принято было с благодарностью, а последнее многими сочтено за подкоп под слабого митрополита Амвросия²⁶. М. М. Сперанский взялся приискать наставников по философии и древним языкам. Профессор Лоди рекомендовал ему Фесслера для еврейского языка, обнадежив, по-видимому, что он годится и для философии. Фесслер жил в ту пору в Берлине, занимался учеными трудами и адвокатурой. Комиссия Духовных Училищ поручила М. М. Сперанскому войти с ним в сношение.

Игнатий Фесслер родился в 1756 году, в небогатом немецком семействе; получил католическое воспитание и в порыве религиозной экзальтации, 17-ти лет вступил в орден

капуцинов; несколько времени был профессором восточных языков в Львове, где и слушал его Лоди. В 1783 г. он вступил в масонскую ложу и, встречая неприязнь со стороны католических монахов, оставил католичество и перешел в лютеранство. «Ревностнейший масон и иллюминат, – говорит о нем барон М. А. Корф, – человек необыкновенно умный, ученый, с блестящим пером и даром слова, он, по мнению многих, не щеголял, однако же, нравственными своими правилами²⁷». В первых годах нынешнего столетия он издал много масонских сочинений; последними из них, перед вызовом его в С.-Петербург, были два философских романа Терезия или таинства жизни и любви, Бреславль, 1807 года, в двух частях, и Алонзо, Лейпциг, 1808 г., в двух частях. В этих сочинениях он раскрыл и изложил историю своей внутренней жизни. В феврале 1810 г., когда Фесслер уже получил приглашение в с.-петербургскую духовную академию, в немецких «Ученых ведомостях» напечатаны пространные рецензии на его книги. «Все сочинения Фесслера, говорится в одной рецензии, изъясняют в разных видах одну великую мысль: все в Боге и Бог во всем; одно только Целое, одна жизнь; все явления суть отсвет Единицы единосуществующей, суть только необходимые обнаружения гармонической деятельности Целого. Рассудок не может постигнуть этого; только дух благочестивого в единстве разума, воображения и внутреннего чувства в состоянии созерцать это. Кто достигнет такого созерцания, тот может погружаться в бездне Бесконечного и во всех явлениях видеть вечную гармонию Целого. Таков чистый и истинный мистик. Фесслер так занят этой истиной, что он непрестанно изыскивает разные точки, с которых бы выставить ее в новом свете. Сочинения его показывают, что прошел все степени веры, сомнения, познания. Потеряв первую, не довольствуясь последним, он решился искать в созерцании удовлетворения пламенному своему желанию. По нашему мнению, мистика его не есть произведение его природы, не есть изливание его сердца, но плод рассудка, как бы он ни удалял ее от круга этой умственной способности. Быть может слова наши покажутся Фесслеру без смысла: но это – наше мнение. Вот почему во всех описаниях

благочестивой и мистической жизни нет того живописного искусства, которое он хочет показать; но везде примечается холодное рассуждение, и сочинение становится более ученым, более логико-риторическим, нежели сколько того требовала высокая мысль, которую он хочет проповедовать как бы по чувству сердечного вдохновения». Рецензент признается, что не понимает много в этом сочинении, полагая, что оно может быть вполне доступно разве только посвященным в таинства (масонства). В другой рецензии сказано, между прочим: «как приглашение его (Фесслера) в С.-Петербург, в чине надворного советника и профессора новой духовной академии, поправило его крайне бедное состояние, то мы от всего сердца радуемся его счастью и вместе сожалеем, что лишились столь достойного ученого и писателя в нашем отечестве».

Согласие на вызов Фесслера было в Комиссии, по-видимому, не единодушное и установилось не вдруг; по крайней мере в «Записках» самого Фесслера говорится, что один из членов Комиссии, архиепископ Феофилакт, был против этого вызова. «Неприятный ко всем вообще иностранцам, он сопротивлялся моему вызову из-за границы и, наконец, покорился только сильным настояниям князя А. Н. Голицына и Сперанского»²⁸.

С приездом Фесслера, при ближайшем знакомстве с ним, Сперанский и Голицын нашли возможным поручить ему и класс философии. В этот раз также дело не обошлось без противодействия со стороны Феофилакта²⁹.

19 января 1810 г., при самом назначении его профессором поставлено было в обязанность ему представить, чрез посредство внутреннего академического правления, конспекты по обоим классам (еврейского языка и философии) на рассмотрение Комиссии. Студенты слушали Фесслера с восхищением. «Влияние Фесслера на своих учеников было обширно», – говорит Филарет в своих «воспоминаниях». Не один студент первого курса говорил нам, что только и можно было слушать – Фесслера и потом Филарета, которого, к слову сказать, вызвали, по предложению митрополита Амвросия, из Москвы от Платона, и сначала не взяли в академию³⁰.

Феофилакт был, конечно, не прав, перенесши на Филарета свое нерасположение к Платону, или имея какой-либо другой повод к устранению его от академии. Но и Филарет не остался у него в долгу. В разговорах с близкими он не скрывал своего нерасположения к Феофилакту и обнаруживал его в самых резких выражениях; ставил ему в упрек светское его направление, относя к светскости его то, что он в проповедях касался политических предметов и в обществе говорил по-французски³¹.

В марте 1810 года правление представило конспекты Фесслера м. Амвросию, а митрополит внес их при предложении в Комиссию. Инспектору семинарии, иеродиакону Филарету (Дроздову) поручено было перевести эти конспекты (для князя А. Н. Голицына, не знавшего по латыни) с латинского на русский язык.

Каким порядком рассматривались конспекты – не известно; в журнале Комиссии, 23 апреля 1810 г., изложено только общее заключение ее, что «Комиссия, рассмотрев конспект философии и найдя изъяснение философии профессора Фесслера темным, положила истребовать от него другой конспект, в коем он философию, которую преподавать намерен, изложил бы в яснейшем виде, и именно по методе и терминологии вольфианской. Так как профессор Фесслер в конспекте своем еврейского языка предполагал преподавать такие предметы, кои к обучению языка, собственно так называемому, совсем не относятся, как то: археология Евреев, изъяснение духа закона Моисеева, изложение истории священных книг еврейских, то по сему уважению и предписать ему, чтоб он, не входя ни в какие рассуждения, кои относятся или до класса науки исторической или до класса наук богословских, ограничил себя токмо единым грамматическим изъяснением еврейского языка и чтобы в сем разуме, составя другой конспект, внес в него академическое правление. Правление же имеет рассмотреть его и с надлежащим мнением представить в Комиссию». Устранив Фесслера от преподавания еврейской археологии, Комиссия постановила, что, «как предмет сей находится в тесной связи с церковной историей, которая, по желанию Комиссии, в

предыдущих журналах ее (12 янв. и 8 фев. 1810 г.) изъясненному, отнесена к классу наук богословских, и как обучение оному возложено на бакалавра богословия иеромонаха Филарета³²: то по сему уважению, оставя оный конспект без действия, известить о сем профессора Фесслера чрез академическое правление».

Феофилакт подписался под журналом, что он может согласиться на это рассуждение, и причины своего несогласия представить на уважение Комиссии. М. М. Сперанский подписался: «с мнением, которое не умедлю представить».

Феофилакт представил свое мнение в Комиссию 28 апреля. «Философские начала, – писал он, – г. Фесслером изложенные, которые он, как изъяснился в своем конспекте, ни лживо показать, ни утаить не может, довольны понятны для меня, что утверждал я и в присутствии при рассуждении об оных. Но, к душевному моему прискорбию, одолжаю сказать, что сии начала нахожу весьма вредными для церкви и отечества и пагубными для студентов. В доказательство того и другого, прилагаю при сем замечания мои на конспекты его для еврейского языка, церковных древностей и философских наук, внесенные в Комиссию».

«Комиссия решила пояснить начала г. Фесслера приведением оных в вольфианскую терминологию и методу. На сие имею честь предложить, что терминология г. Фесслера есть обыкновенная; ибо нет в ней ни одного термина, которого не находилось бы в прочих философских системах. Но он с обыкновенными терминами сопрягает мысли преобразованного платонизма, определяя их необыкновенным образом. Известно впрочем, что значение слов познается чрез определения (definition), посредством коих и неизвестного языка или науки речения делаются вразумительными. Касательно методы Вольфия – она способствует только к связыванию предыдущего с последующим, но никогда не изменит сущности начал философских. Спиноза со всей точностью придерживался геометрического порядка в философских своих исследованиях: но безбожие его в очах здравомыслящих всегда останется безбожием».

«Г. Фесслер вызван собственно для еврейского языка и древностей церковных, о чем сам он свидетельствует в заглавии своих конспектов. Но журналом заключено церковные древности предоставить бакалавру богословских наук, без объяснения причин, для чего не вверяется ему тот предмет, для которого именно он истребован в академию, и почему отменяется план его, для еврейского языка составленный».

«Наконец, ежели начала его философии требуют пояснения, то, по моему мнению, могут они быть пояснены несравненно лучше правилами его, в конспектах для еврейского языка и церковных древностей изложенными, нежели вольфианской терминологией и методой, тем паче, что он философию свою полагает в полном единении с религией; а мысли его о религии достаточно обнаружены помянутыми правилами».

В замечаниях на конспект философских наук Феофилакт писал: «начала, которым г. Фесслер неуклонно следовать обещается, суть начала разрушительные, а не созидательные. Они подрывают религию и – что удивительнее – совершенно ниспровергают и самую философию. Г. Фесслер совершенно превращает натуральный ход познаний человеческих, производя начало оных от разума, независимо от чувств; допускает ложные и несовместные со здравым смыслом начала познаний человеческих, приписывая им только условную и подрывает религию, приняв в основание философии своей пагубные мнения иллюминатов; вводит Платонову философию, которая в первых трех веках христианства столько ж породила ересей, сколько вольнодумцев во Франции произвела Локкова метафизика, старанием Вольтера допущенная в училища и чрез происки его восторжествовавшая над философией Декарта; кроме Платоновой философии более 25 лет руководствуется учением Плотина, которое в особенном было покровительстве у языческих императоров, потому что совращенные оным учением никогда уже не могли быть христианами, как случилось сие с Иулианом, несмотря на то, что был он воспитан в христианском законе». Мы не выписываем дальнейших замечаний Феофилакта, которые состоят в подробном

изъяснении вышеприведенных положений, тем более, что эти замечания уже напечатаны в полном виде»³³. Феофилакт имел слабость собрать записки студентов, составленные из лекций Фесслера, и употребить их в улику против Фесслера. «Что он (Фесслер) подлинно таков, – писал он, – о том свидетельствуют с диктации его писанные студентами предуготовительные ко всей философии начала, в трех отделениях, которые в разных видах выражают одну и ту же мысль: одно целое, одна жизнь, все явления в мире суть только ответ единицы, т. е. бесконечные изменения одного и того же существа, или как бы образы его бытия». В заключение своего отзыва Феофилакт писал: «Комиссия духовных училищ предположила уже, по какой системе должны в академии преподаваться философия и история философская. За сим предположением надлежало г. Фесслеру или руководствоваться назначенными от Комиссии Винклером и Бруккером, или представить начальству об отмене оного и до решения самому по себе ничего нового не вводить».

«Сперанский, – говорит Фесслер в своих записках, – предлагал сообщить последние (замечания Феофилакта) мне для объяснения; но Феофилакт счел ниже своего достоинства вступать в полемику с немецким профессором и прямо требовал моего удаления. Тогда Сперанский взялся сам защищать мое учение, для чего поручил мне подкрепить все статьи моего конспекта приличными местами из творений св. отцов. И это однако же не пособило, так что в мае 1810 года мне стали внушать под рукою – проситься прочь из академии, чтоб предварить увольнение оттуда без просьбы. Сперанский, по сообщению моему о том, тотчас защитил меня от таких самовластных действий, советуя между тем потерпеть, пока он приищет средство вывести меня с честью из этих дразгов. Еще до того я поднес ему несколько юридических мнений, написанных мною в Берлине, по тогдашнему моему званию консультанта. Он почтил эти бумаги своим вниманием, и они дали ему повод представить о помещении меня в состоявшуюся под его начальством Комиссию составления законов. Когда же Государь соизволил на определение меня в нее с званием корреспондента по части уголовного права, то

новый мой начальник сам уже велел мне бросить академию, из которой я, по моей просьбе, и был уволен 21 июля (1810 г.)»³⁴

Препроводив к князю Голицыну Высочайший указ о Фесслере, М. М. Сперанский послал к нему и мнение свое о конспекте Фесслера, «для приобщения оного к журналу и для предложения Комиссии, если – прибавлял он – изволите признать то нужным».

Приведши соответственные §§ устава о преподавании философии в духовных академиях (140 – 147)³⁵, М. М. писал в заключение своего мнения: «статьи сии всеми членами Комиссии в свое время слушаны, единогласно утверждены и подписаны. Конспект философских наук, профессором Фесслером представленный, разуму сих статей совершенно сообразен. Одна разность терминологии, которую без привычки понять трудно, могла подать повод к пререканиям».

«Цель нового образования академии, по моему мнению, не в том состоит, чтоб переменить названия, преобразить учителей в профессоров, учеников наименовать студентами, а в прочем оставить все по-прежнему, и, например, в философии ограничить все познанием Баумейстера и Винклера, коих имена, равно как и глубокомысленные сочинения, знаменитые в наших семинариях, никогда в ученом свете не были приметны».

«Цель философского учения, в точном разуме устава академии, не в том состоит, чтоб продолжать мрачную систему материализма, на коей вся чувственная философия основана, но чтоб, отвергнув все сии суесловные блуждения разума, призвать его и приуготовить к христианской философии, к той философии, которая, по слову св. Павла, не по стихиям мира, но по началам истины, которая есть едина и коей источников тщетно будем мы искать в глазах, ушах, в руках и в прочих чувствах. Начало премудрости есть страх Господень».

«Это обстоятельство, – говорит барон М. А. Корф в биографии М. М. Сперанского³⁶, – рассорило Феофилакта не только с Сперанским, но и с князем А. Н. Голицыным».

В феврале 1811 г. Михаил Михайлович просил Государя об увольнении его от занятий по Комиссии духовных училищ, но

увольнения не последовало. М. М. Сперанский оставался в Комиссии до 17 марта 1812 года³⁷.

Откуда вышли эти недоразумения? Где их источник?

Мы, кажется, оскорбили бы и того и другого из почтенных соперников, если бы решились изъяснять их противоречие личным раздражением, самолюбием, завистью или другим подобным побуждением. Они стояли оба высоко, не переходили друг другу дороги и не имели повода (точнее также, как трудно предположить и желание) вредить друг другу. Старые счеты, если они и были, слишком мелки, чтобы, стоя на такой высоте, можно было руководиться ими в таком крупном общем деле.

Можно принять другое объяснение, и противопоставляя один образ мыслей другому, изъяснять дело и с разных душевных настроений соперников. В духовном типе М. М. Сперанского этого времени можно различать две существенные черты – живое отношение к предметам веры и соприкосновением с ней вопросам философской науки, обуславливавшее собой более или менее свободное и прогрессивное движение мысли, и – мистицизм, как специальное содержание этого типа, как определенную форму, в которую облекалось то живое стремление у истине.

Феофилакт был представителем другого типа. Для него вопросы мысли и жизни были разрешены, не вообще только и сами в себе, но и по отношению к возможным запросам его собственной мысли и жизни. Ему казалось – нечего было искать впереди, не к чему стремиться, нечего допытываться нового в сфере вопросов, разрешаемых совместно религией и философией. При таком консервативном направлении, он, естественно, не доступен был для мистицизма, точно также, как для всякой другой из множества форм, какие может принять пытливая мысль, направляясь на вопросы о предметах, общих религии с философией. Ближайшим образом он не был мистиком. Мистицизм, несмотря на все подходы к нему, не нашел в нем сочувствия. «Очень бы я желал, – писал известный И. В. Лопухин к Сперанскому 24 ноября 1804 г., – чтоб вы продолжали переписку с Феофилактом, хотя он и не знает прямую цену Фенелону, коим, я надеюсь, вы у нас будете, ежели

продолжите усердие к званию вашему на этом пути». В следующем году 13 октября, Лопухин, возвращаясь из Крыма, виделся в Калуге с Феофилактом и писал о нем к Сперанскому: «преосвященный, кажется, нисколько еще не получил вкуса к прямой чистоте дела. В ответах его вам, которые он мне читал, довольно то видно из его понятий Фенелоне и о связи его с M-me Guion. Впрочем, он имеет многие достоинства»³⁸.

Взгляд Фесслера был не консервативный. Идя сам трудным путем мысли и, может быть, да и вероятно, не считая еще и тогдашней своей ступени последней в развитии понятий, он старался более о том, чтобы и в других развить пытливость, любознательность, философский дух, нежели дать им систему законченных понятий. Законченность существует только в догматах, в религии, а в философии законченности нет, есть только одно движение вперед, один непрерывный процесс. Философия сходится с религией только в общей цели – истине, но пути их к истине различны. Вопрос был в том, открыт ли этот путь для молодых умов и ввести их в философствование, или же, под именем и видом философии, дать им систему понятий готовых, законченных и облеченных только в покровы философской мысли?

Сперанский естественно взял сторону Фесслера. Он сделал это не потому только, что вызвал Фесслера и как бы поручился за него, вверяя ему класс философии, но главным образом потому, что глубоко понимал значение философии, чем она должна быть в деле образования и как должна преподаваться в академии – высшем учебном заведении. Для него философия и ее история не были упражнением памяти, но делом мысли, а дело мысли – делом жизни. Он сам частью прошел тот путь изыскания, каким шел Фесслер. «На пути, – писал он к императору Александру в 1816 г., – на пути, которым вело меня Провидение в вере, пытливость разума часто ввергала меня в изыскания более тонкие, нежели основательные; изыскания сии были в свое время предметом бесед, коих Вы меня удостаивали»³⁹. Это было в жизни М. М. Сперанского время напряженной, не только внешней государственной, но и внутренней духовной деятельности. Волновавшее его брожение

идей разрешилось, в удалении его от политических дел, религиозным мистицизмом.

Это приводит нас к той стороне его образа мыслей, которая дает повод к разнообразным толкованиям. Нельзя отрицать влияния современного общества и широко распространенных тогда мистических идей на направление его мыслей. Но, с другой стороны, многое зависело и от его воспитания. Струя духовного воспитания вилась в поток его жизни и, по восприимчивости природы, слилась с этой жизнью и дала свой оттенок последующему направлению его мыслей. То, что было инстинктом благородно мыслящей души и что другим представлялось только в неясных очертаниях, он провел чрез мысль и уложил в формы, взявши для них элементы их данных истории, философской и церковной.

Соберем относящиеся сюда черты из переписки М. М. Сперанского, чтобы выяснить направление его религиозных и нравственных понятий, тем более, что у историков его блестящей карьеры они естественно остаются на заднем плане, заставляя его внешнюю деятельность.

Мысли свои о нравственно-религиозной жизни М. М. Сперанский изложил в письмах к П. А. Словцову и Ф. И. Цейеру.

«В толпе наших мыслей и жителей, – писал он к П. А. Словцову в 1813 г., – с первого взгляда можно различить две физиогномии: мысли добрые и мысли худые, желания правильные и желания порочные. Соберите во едино мысли добрые, свяжите их одной нитью воспоминаний, это составит один образ бытия; сделайте то же и с худыми, это составит другой. Два сии бытия, непрестанно изменяясь, кажутся одним и тем же; но сколько бы нити, их составляющие, в общей ткани нашей жизни ни были перепутаны, в существе своем всегда сохраняют свои природные различия и составляют два бытия отдельные: истинное и ложное. Но как разложить сии два бытия, тесно соединенные? Водой, духом и огнем. – Тщетны все умствования; нет других средств, кроме сих».

«Первый путь есть покаяния. Чтобы отделить зло, надобно прежде его обнаружить. Операция сия весьма болезненна: одни

люди великодушные или терпеливые могут на нее решиться. Удивительно ли, что большая часть ее избегает. Последствия сего суда, если он правильно произведен, бывают ужасны. Это почти смертельный приговор. Никто не должен тут надеяться на свою правду. Нужно дать самому себе суд по трем главным законам нашего бытия: по гражданскому, нравственному и духовному. Путь самоиспытания (очищения водой, путь Иоанна Предтечи) есть предуготовление к возрождению. Затем начинается путь просвещения или креста. «Начатки (духовной жизни во Христе) бывают слабы. Христос рождается в яслях, от бедной, горькой Марии. Одни высшие, духовные силы нашего бытия, ангелы и мудрые востока, знают небесное Его достоинство; могут, однако же, и низшие душевные силы, пастыри, ощутить сие рождение, если они бдят и примечают. Примечайте: всякая добрая мысль, всякое доброе движение воли есть и движение Христово. Без Мене не можете творить ниче́го. По мере того, как вы будете примечать в себе сии движения и относить их к Христу, в вас действующему, Он будет в вас возрастать и, наконец, вы достигните того счастливого мгновения, когда в состоянии будете ощущать Его с такой живостью, с таким внутренним убеждением в действительном Его пришествии, что с непостижимой вам самим радостью скажете: так, это точно Он, Господь мой и Бог мой»⁴⁰. «Есть третий путь, еще высший и совершеннейший, но говорить о нем бесполезно; ибо кто стоит тверд на втором, тот придет и к третьему; а кто не знает еще опытом второго, тот никогда не поймет третьего. Да правду сказать, и изъяснять его словами почти невозможно»⁴¹.

Столько же подробно он описывает эти духовные состояния в письмах к Ф. И. Цейеру, из Перми, – не исключая и того высшего состояния, которое не считал уместным разъяснять П. А. Словцову. «До времени нашей разлуки состояние наше в сущности было лишь состоянием размышления и молитвы умной. Вся наша духовность собственно сводилась к теософии. К ней же относятся творения Бёма, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лет провел я в ее изучении и,

когда я думал, что овладел всем, я трудился лишь над начатками. Это было преддверие царствия Божия».

«Царствие Божие, в нас заключающееся (иными словами – внутреннее Слово, или созерцательная молитва, или чистая любовь) обнаруживается лишь тогда, когда все размышления, все рассуждения о предметах небесных, становятся сухими, скучными, безвкусными и, когда, однако ж, в глубине души ощущаешь более или менее сильное влечение к занятию божественным. Тогда следует оставить молитву умную (размышления, рефлексия, рассуждения о Боге) и постепенно привыкать к тому, чтобы находиться в общении с Богом, помимо всяких образов, всякого размышления, всякого ощутительного движения мысли. Тогда кажется, что в душе все молчит: не думаешь ни о чем; ум и память меркнут и не представляют ничего определенного; одна воля кротко держится за представление о Боге, представление, которое кажется неопределенным – потому, что оно безусловно и что оно не опирается ни на что в особенности. Тогда-то вступаем в сумрак веры. Тогда-то не знаем более ничего и ждем вечного света непосредственно свыше, и если упорствуем в этом ожидании, то свет этот нисходит и царствие Божие раскрывается. Но что же такое царствие Божие, в чем состоит оно? Никто не может ни описать вам его, ни дать о нем понятия. Его чувствуешь, но оно несообщимо».

«В этом-то состоянии начинает раскрываться внутреннее слово; это-то состояние собственно называется состоянием благодати. Это состояние служит исходом учению Иисуса Христа и лишь это состояние Он пришел возвестить и уготовить нам. Все то, что предшествует этому состоянию (что я называют азбукой), составляет область Иоанна Предтечи, который уготовляет пути, но не есть путь».

«Это же состояние называется собственно мистическим богословием. Это не книжное учение. Наставник в нем сам Бог и он сообщает свое учение душ непосредственно, без слов и способом, который невозможно объяснить словами»⁴².

«Сомнение и религия внешняя суть два пути к благочестию. Имев счастье пройти эти пути, находишься или, точнее,

считаешь себя внутри храма, сознаешь, что есть религия внутренняя, богопочитание более чистое, и радуешься этому открытию. Рассматривая с некоторой строгостью сумму сведений, которыми обладаешь в этом состоянии, находишь, что они все сводятся к одной истине, а именно к той, что Иисус Христос в нас»⁴³.

«Сообразно с этими степенями духовного совершенства, различаются три вида мотивы: молитва слвоесная, когда мы своими мыслями следим за чужими словами; умная, когда мы мысленно следим за собственными словами; чисто созерцательная без слов⁴⁴. Такова молитва: Господи помилуй, которую называют молитвой духа, молитвой без образов, молитвой мистической и т. д.» «Молитва самая совершенная, – писал он к дочери в 1816 г., – есть самая простейшая, а именно, чтоб, сомкнув глаза или утвердив их на одном предмете, многократно повторять в уме: Господи, помилуй⁴⁵. Но в состоянии созерцания и эта молитва прекращается. Огонь, раз возженный, горит сам собой и никому неизвестно, чем он питается. В этом и состоит тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» в мыслях своих лишь в ту минуту, когда придешь в себя⁴⁶. Сие состояние восточные отцы называют безмолвием, а западные *suspension des facultés de l'ame*»⁴⁷.

Но мистицизм М. М. Сперанского далек был от той грубой мистики, которая в первой четверти нынешнего века имела так много последователей и выражалась в разнообразных формах: франкмасонских лож, разных тайных обществ в роде татариновского, и других. Навык к отчетливости в мыслях и действиях уберег М. М. Сперанского от этих крайностей мистицизма, как в его теоретическом развитии, так и в практическом выражении и применении. Михаил Михайлович сам не усвоял и друзей своих остерегал от тех ложных форм, какие мистицизм принял в ту пору в масонских и других обществах.

Наиболее грубой формой мистического экстаза было трясение. Сперанский писал по поводу его: «не следует никогда допускать, чтобы внутреннее чувство распространялось на тело и оказывало на него воздействие... Через это приобретаешь

дурные духовные привычки, последствия которых часто опасны»⁴⁸. «Духовные отцы никогда не позволяли себе ни трясений, ни экстазов, вещей порядка низшего, которые мы может и должны подавлять. Ибо представьте себе, что в церкви было бы много созерцателей, возбужденных таким образом: что это будет, если не собрание трясун (истинных беснующих)»⁴⁹? – Точно также он не одобряет видений, посредством которых ложные мистики тщились узнавать сокровенную волю Божию. Так он говорить о Лабзине⁵⁰: «молитва умная есть единый путь (к Богу) совершенно безопасный. Если бы г. Лабзин знал и проповедовал сию молитву, то во-первых, не написал бы он и десятой части того, что написал; во-вторых, скорее и сам бы пришел и других привел бы к истине. Никогда не возмечтал бы он, что послан от Бога созидать новый храм; ибо он знал бы тогда, что храм сей и основан, и создан, и усовершен уже без нас единым Господом нашим Иисусом Христом»⁵¹.

Лучшие формы мистической жизни и деятельности и лучшие упражнения духовные суть, по понятию М. М. Сперанского, участие в церковных священнодействиях, молитвах и изучение Библии.

В мистике – весьма важный вопрос об отношении ее к церкви, к церковным верованиям и учреждениям. Не входя в разнообразные формы этих отношений мистиков различного времени к церкви, относительно М. М. Сперанского мы видим, что всегда сохранял благоговейное отношение к церкви, ее верованиям и учреждениям.

«Стихийная мудрость, – писал он к П. А. Словцову, – составив себе какую-то философо-теософо-христианскую метафизику, вообразила себе, что она открыла какой-то путь к истине, удобнейший и чистейший, нежели тот, который представляет нам церковь с ее установлениями. Заблуждение гордое и плачевное. Как будто, отвергнув слова, фигуры, формы и изображения, церковью принятые, мудрецы сии не принуждены были ввести также свои слова, формы и изображения, церковью не принятые; как будто перед Богом метафизическая наша истина всегда словами, т. е. формами и умственными начертаниями, представляется чище и Ему

угоднее, нежели обряды церковные, и как будто сей чистейший Дух понимает метафизическое наше лепетание и им измеряет наши пред Ним достоинства. Установления церковные по истине удовлетворяют всем человеческим положениям. Цель их есть возбуждение или, лучше сказать, усиление возбужденной уже покаянием любви. Для сего людям простым они представляют обряды назидательные, молитвы трогательные и таинства священные. Тем напротив, кои, по несчастной привычке к размышлению, любят углубляться, они представляют сему размышлений самых глубокомысленных и обширных. Одна литургия Иоанна Златоустого, или Василия Великого, может занять на всю жизнь и даже поглотить в себе все размышления самого глубокого испытателя, если только он будет размышлять с надлежащим совести и духа очищением. Без очищения же сего ничего не увидеть. Есть без сомнения истинные и высокие теории всех церковных установлений и самого свящ. писания. Но никто не должен ласкаться открыть их иначе, как сокрушением, слезами, молитвой, обращением со Христом, словом – святостью. Нечто уродливое и противоестественное было бы, чтоб человек не очищенный и плотский, от святости удаленный, понимал ясно дело Божие, т. е. самую святыню; это может случиться в земной мудрости, а в небесной никогда⁵²». – «Веришь ли ты бытию самого хранителя? – писал он к дочери. – Есть нечто столь идеальное, столь привлекательное в сей мысли иметь всегда с собой домашнего друга, что если бы она и не была справедлива, то для утешения принять ее должно. Она же и справедлива. Сей друг не может ни воспретить зла, ни понудить нас к добру; он может только жалеть о нас, или утешаться нами, и тем положение его при нас, мне кажется, интереснее. Это страдание бескорыстное; это привязанность более страждущая, нежели действующая. Это друг всегда верный и в молчании переносящий все наши оскорбления. В молитвах наших часть повторяется: опечалил ангела хранителя моего. В самом деле, печалить существо, столь нам преданное, столь невинное, есть род жестокости непростительной. Кстати о сих идеях. Как груба, как мертва религия без них. Посуди их сего, как жалки лютеране и все то,

что называют реформой. Религия душ холодных, чувств материальных, между тем как они хвалятся чистотой. Изрядная чистота! Еще бы лучше было все привести в математические исчисления и линии⁵³».

Под изучением и истолкованием Библии он понимал преимущественно аллегорическое изъяснение ее или отыскивание под буквой таинственного смысла. «Разве смыслов писания не усилиями разума, но одним молитвенным размышлением, есть, по моему мнению, после чистого созерцания, упражнение самое святое и самое полезное. Если бы мы были свободны в выборе между различными дарами благодати, я бы остановился на этом и предпочел его всем видениям, даже дару пророчества». «Священное писание, – писал он П. А. Словцову, – вообще не иное что есть, как изображение или представление в разных формах и видах одной и той же истины, а именно того, как Бог беседовал и сообщался с людьми, сперва в форме ангельской и пророческой (завет ветхий); потом ближе и яснее – в форме своего Сына-Слова (завет новый). Сии изображения начертаны единственно для того, чтобы означить нам, что и мы в себе тоже самое испытать можем и должны. Искать в св. писании наших бесплодных и пустых исторических истин и суесловного порядка нашей бедной пятичувственной логики, это значит ребячиться, забавлять себя безделками учености или литературы. Еще повторяю, тут ничего не должно искать, кроме образа и представления Божиих с человеком сообщений⁵⁴».

«Но тут возможны разные изъяснения. Священное писание есть книга, приспособленная ко всем состояниям духовным. По мере того, как сменяются состояния, смысл его изменяется, и хотя сущность всегда одна и та же, приложения разнообразятся до бесконечности. Итак, не находите странным, если в течение ваших трудов вам случится иметь относительно тех же фактов иные взгляды, и всегда принимайте с благодарностью хлеб ваш насущный, не привязываясь к одной форме предпочтительно перед другой. Систематическая последовательность, строгий порядок мыслей, столь восхваляемый в науках человеческих,

тут не у места, ибо все тут дело чувства или , точнее, духовного роста⁵⁵».

Мы напрасно стали бы искать в мистических идеях М. М. Сперанского чего-либо нового, оригинального, тем менее стройной системы мыслей, которую можно было бы рассматривать, как полное мировоззрение. Мистицизм вообще, по самому существу своему, не столько есть доктрина сколько, жизненное состояние. Он вращается более в сфере чувства, нежели мысли. М. М. Сперанский прошел это состояние опытом, хотя сознается в ничтожности своих опытов перед великими примерами святых подвижников⁵⁶.

Ни по этому существу, ни по тем формам, какие он описывает, мистицизм его и его времени не составляет ни нового, ни особенного явления в истории. Оставляя в стороне все до христианское и вне-христианское, первые следы мистицизма в христианском мире можно находить в Александрии и вообще в Египте. Ориген и его школа любили таинственное изъяснение свящ. писания. Макарий египетский, знаменитый подвижник и аскетический писатель 4-го века, в своих сочинениях изображал различные степени духовного созерцания и описывал различные созерцательные состояния. После того мистицизм развился с особенной силой в средние века, главным образом на германской почве, как реакция против сухой, безжизненной схоластики, старавшейся превратить религию в научную систему, как реакция против преобладания внешних форм религиозности над живыми стремлениями и порывами духа к общению с Богом. Мистицизм развился в сфере чувства, единственно свойственной ему стихии, уклоняясь от рассудочных построений и форм отвлеченного мышления. Направление это продолжалось чрез все средние века, имело в числе своих представителей весьма много достойных людей и привлекло к себе множество лиц разных состояний, не находивших удовлетворения в сухих формах католической догматики и обрядности. Первым классическим представителем средневековой мистики был Бернард Клервосский, известный противник Абеяра, в половине XII века. Но наиболее высокое и притом методическое развитие

христианская мистика получила со времени Эккарта и Таулера в XIV веке. Унижая и устраняя рассудочные силлогистические формы знания, они обратились к живому чувству веры и экстатическому созерцанию, как единственному способу постижения божественной истины. Практическим выражением и применением идей этой мистики была книжка, приписываемая Фоме Кемпийскому (1380 – 1471 г.): о подражании Христу, явившаяся в первый раз в 1494 г.⁵⁷ и имевшая на языках всех образованных народов столько изданий, сколько ни одна книга в мире. Наконец, последним представителем германской мистики средних веков, уже в период возрождения наук, был Яков Бём (1575 – 1614). Отвлеченный мистицизм Бёма переходит в пантеистическую теософию.

Рассматривая чисто внешним образом историю знакомства М. М. Сперанского с этими идеями, мы видим, что оно началось еще в том периоде, когда он шел по пути возвышений и отличий. В 1804 г. 22 сентября И. В. Лопухин писал ему: «посылаю вам московский гостинец, две книжки: одна, т. е. Таулера, сколько изящна по своему содержанию, столько же редкость по изданию, которое, кажется, одно и было на французском». «Тому вкусу в чтении, – писал он же 24 октября, – который вы, любезный друг, описываете, надобно радоваться. Kempis, Фенелон, Таулер, всегда должны составлять наилучшее и самое питательное чтение для ищущих истины и прямого дела... Завтра по тяжелой почте отправляю к вам все сочинения M-me Guion, кроме трех томов, которых не достаёт и которые обещали мне скоро доставить... Арнольдовой истории, которая подлинно совершенная в своем роде, нет на латинском языке... Я вам достаю одну книгу латинскую, еще лучшую». – «Вот вам, любезнейший друг, – от 24 ноября, – еще книжка и преддрагоценная. Но ее посылаю только для вас и собственно и совершенно для вас. Оригинал ее на немецком. Она в конце XVIII века и конечно из самого высокого ступени просвещения писана. Преддрагоценная, но только вам посылаю», – «Очень рад, – от 30 марта 1805 г., – что вам нравятся сочинения М. Г. (г-жи Гион). Они подлинно сокровище духовное. Читайте, пожалуйста, ее письма. Знаете ли, любезнейший друг, что мне и

на сих днях пришло на мысль? Куда бы хорошо, когда б вы что-нибудь выбрали из ее сочинений для перевода, хотя помаленьку, хотя в минуту отдохновения. Кроме всего, я бы ожидал от этого chef d'oeuvre в переводе»⁵⁸.

Выбор М. М. Сперанского не остановился однако ж на мечтательных созерцаниях г-жи Гион. Он выбрал для перевода знаменитое, более подходящее к собственному его направлению, сочинение Фомы Кемпийского о подражании Христу. Еще с 1805 г. он начал перевод этой книжки, проникнутой живым чувством веры и полной кроткого благочестия. Заточение дало ему простор и свободу вдуматься в изображаемые ею духовные состояния и сравнить их с опытами других, более древних и авторитетных руководителей на пути христианской жизни. В Великополье, не оставляя своего Фомы Кемпийского, он вчитывался в жития святых восточной и западной церкви и делал из них выписки; читал с напряженным вниманием из них выписки; читал с напряженным вниманием аскетическую книгу о добродетели и беседы св. Макария великого. «Все, что я читал когда-либо, – писал он у Цейеру в 1806 г., – о вершинах самого возвышенного созерцания, как полатыни так и по-французски, все это я на днях нашел пространно изложенным и разъясненным в аскетической книге, переведенной с греческого на славянский язык и напечатанной Синодом в 1793 году, под заглавием: о добротолубии⁵⁹, по ходатайству и стараниями настоятеля Валаамского монастыря»⁶⁰.

В 1817 году, давая отчет в этих своих занятиях князю А. Н. Голицыну, он писал: «В Перми и потом наиболее в деревне составил я избранные места из творений Таулера. Сочинитель сей, без сомнения, вам известен; множество отрывков из него в разных местах у нас напечатано, но нигде нет в целости, может быть от того, что он, по высоте его понятий, часто парит под облаками и скрывается почти из виду. Избранные места все вразумительны. Они составляют книгу немного менее Подражания. От сей работы родилась у меня другая. Я решил в деревенском уединении пройти все творения св. отцов, начиная от первого века. Выписывая и замечая то, что казалось мне

наиболее свойственным нашему веку и потребностям нашего времени, я не дошел еще и до середины, имев уже кипы записок, но ничего совершенного и довольно выработанного, чтоб представить публичному чтению. Одна только выписка под названием: избранные места из бесед св. Макария великого, кажется мне, довольно окончена. Я составил из перевода покойного архимандрита Моисея⁶¹, и жаль, что не имел при себе подлинника⁶².

Так образовалась у него своего рода система мистических мыслей (касавшаяся, впрочем, одной только практической, религиозно-нравственной стороны жизни), которую он развил в письмах к лицам, интересовавшимся предметами и идеями этого рода.

Мы не будем входить в рассмотрение и разрешение вопроса: составляет это направление и разрешение вопроса: составляет это направление силу, или слабость М. М. Сперанского? Во всяком случае это – история его внутренней жизни, развившейся под влиянием всех тех условий, на которые мы выше указали.

Односторонни эти понятия и это направление жизни: но они составляют исторический момент в жизни русского общества. Этому направлению все же нельзя отказать в живом отношении к существенным вопросам веры и мысли, которое имело свою пользу, принесло свои добрые плоды.

Наше время ищет истины другими, более положительными путями. Последующее время также, может быть, укорит его в односторонности: но также ни в каком случае не откажет ему в достоинстве искреннего и сознательного служения делу истины, которая только Божественному Духу присуща во всей полноте; в сознании же человеческой мысли проясняется только постепенно, выступая в разные времена, преимущественно то одной, то другой своей стороной. Истина одна, но способы достижения ее и духовные способности ищущих ее различны. Одни стремятся к ней и надеются достигнуть ее чрез исследование природы: другие – углубляются внутрь себя самих и надеются извлечь ее из глубины собственного духа чрез самопознание. Отсюда различные направления мысли,

чередующиеся в истории и отлагающие, каждое, по прошествии своего времени, свою долю даров в общую сокровищницу духовной культуры человечества.

Примечания

¹ - Барон М. А. Корф (в Жизни графа Сперанского, ч. I, стр. 19) относит время прибытия его в С.-Петербурге к январю 1790 года; но, судя по словам И. И. Мартынова («в Петербург приехали мы в последних числах октября 1789 г.». «До приезда нашего почти уже из всех семинарий прибыли студенты, кроме сибирских», «Заря», 1871 г., № 6) и по словам самого Сперанского в прошении митроп. Гавриилу об увольнении его на гражданскую службу («в александроневской вашего высокопреосвященства семинарии нахожусь я с 1789 г.»), вернее полагать, что М. М. Сперанский прибыл в С.-Петербург в 1789 г. и именно в октябре.

² - Записки И. И. Мартынова. «Заря», 1871 г. № 6.

³ - Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. III, Спб., 1870 г., стр. 326 – 335.

⁴ - «Что касается математических наук, мы весьма довольны были своим учителем». Записки И. И. Мартынова.

⁵ - Мы называем их старшими товарищами М. М. потому, что они уже с января 1790 г. были учителями; а это дает повод думать, что они поступили в семинарию, по крайней мере, годом раньше Сперанского.

⁶ - Д. С. Стефановский, протоиерей в Полтаве. М. К. Соловьев – вышел в гражданскую службу. Никифор Тютюков – кафедр. протоиерей в Иркутске. Борис Поликарпов – кафедр. протоиерей в Казани. Лев Земляницын – кафедр. протоиерей в Тобольске. Алексей Яковлевич Мудров. Иоанн Покровский – кафедр. протоиерей в Туле. Иеромонах Виктор и другие.

⁷ - Аттестат, выданный М. М. Сперанскому, при переходе его на гражданскую службу, митр. Гавриилом (Жизнь графа Сперанского, ч. I, стр. 46) для нас – непонятная вещь.

⁸ - Жизнь графа М. М. Сперанского, ч. I, стр. 46.

⁹ - Русск. Арх. 1867 г., стр. 1681.

¹⁰ - Дела арх. здешней сем. 1797 г.

¹¹ - Библиогр. Записки. Т. III, стр. 524.

¹² - Русск. Арх. 1868 г. стр. 1760. Из сочинений его особенно значительно «Историческое обозрение Сибири». Ч. 1. 1837, ч. 2. 1844 г.

¹³ - Москвитян. 1844 г. № 10. 1845 г. № 9.

¹⁴ - Правила высшего красноречия. Соч. М. Сперанского. СПб. 1844 года, стр. 45, 48.

¹⁵ - На вопрос достопочтенного О. М. Бодянского (в «Чтениях» 1871 г. кн. 3): в самом ли деле священник иркутской вознесенской церкви Иван Ильич Худяков (имевший сына Пальмовского), был когда-то учеником Сперанского, – считаем долгом ответить, что в списке учеников невской семинарии за 1797 год есть Иван Пальмовский, сын священника города Иркутска тихвинской церкви, Ильи Иванова, очевидно, тот самый, о котором и поставлен вопрос. Он показан поступившим в семинарию (сначала, вероятно, в иркутскую) в 1785 году, имеющим 21 год от роду и в 1797 году – студентом философского класса. Товарищ М. М. Сперанского, продавший эти «записки» И. И. Пальмовскому, был, вероятно, не П. Тютюков, который отправился в Сибирь в том же году, как Сперанский только сделался учителем, а, вероятно, П. А. Словцов, читавший в невской семинарии физику после Сперанского и после того некоторое время живший в Иркутске.

¹⁶ - См. также Преосв. Филарета: Обзор русск. дух. литер. ч. 2, стр. 166. Чернигов, 1863 г.

¹⁷ - Обзор, стр. 221.

¹⁸ - Заметка для П. И. Савваитова, в объяснение двойной фамилии этого епископа – Рождественский и Вещезеров, (Странник, 1861 г. ноябрь стр. 39).

¹⁹ - Историко-статистическое описание тамб. Епархии, Тамбов, 1861 г.

²⁰ - Обзор, стр. 206. История философии, архим. Гавриила, ч. 6. Казань, 1840 г., стр. 114.

²¹ - Обзор, стр. 221.

²² - Обзор, стр. 225.

²³ - Товарищами К. М. Сперанского по классу и, частью может быть, учениками М. М., были Андрей Антип. Орнатский, в

последствии Амвросий, скончавшийся епископом пензенским, автор известной «Истории Российской Иерархии», и Василий Конон Ужинский, в монашестве Владимир, скончавшийся казанским архиепископом. К. М. Сперанский умер 18 Окт. 1825 г.

²⁴ - «Проект мой, – писал Евгений в марте 1805 г. к своему знакомому В. И. Македонцу, – читан Государю и отменно уважен. Теперь он в Синоде, и синодальные (кроме митрополита) оспаривают один только пункт – подчинение семинарии академиям. Это не по сердцу епархиальным. Но кто ж виноват, что многие епархиальные не радят о успехах в своих семинариях и жалованьем располагают по самопроизволу, а о достоинстве определяемых ими учителей многие и понятия не имеют. Впрочем, жалованье на семинарии положится, по крайней мере, вдвое». Русск. Арх. 1870 г. стр. 842.

²⁵ - Жизнь графа М. М. Сперанского, ч. I, стр. 255.

²⁶ - «Преосвященный Амвросий чувствовал тяжесть своего положения; он был не по душе партии не церковного направления, во главе которой стоял Феофилакт и которая всячески старалась его раздражать и довести до того, чтобы он хотя слово сказал о желании удалиться на покой. Но стоял непреклонно. «Не сам я поставил себя, – говорил он, – не могу сам себя и снять с своего поста». Крепко он задумывался сам собой. Случалось мне, приходя еженедельно с донесениями о благосостоянии по семинарии, как инспектору, заставить его погруженным в такие размышления. Сделает он вопроса два-три, да и замолчит: только сидит, да вздыхает». Из воспоминаний покойного митрополита Филарета, в «Прав. Обозр.», 1868 г., т. 26, стр. 518. Филарет был инспектором семинарии до 1810 года; следовательно, это воспоминание его относится именно к 1809 году.

²⁷ - Жизнь графа М. М. Сперанского, ч. I, стр. 256.

²⁸ - Жизнь графа Сперанского, ч. I, стр. 257.

²⁹ - «Ему (Феофилакту), – пишет Фесслер, – не удалось также помешать им (Голицыну и Сперанскому) и в поручении мне, чрез несколько дней после моего приезда, сверх еврейского языка, еще кафедры философии». Там же.

³⁰ - «Три раза ходатайствовал (ректор академии, архимандрит Евграф, по указанию которого Филарет и вызван) о назначении своего воспитанника (по лаврской семинарии) бакалавром: три раза – неудача». Н. В. Сушков, «Записки о жизни Филарета», Москва, 1868 г., стр. 38.

³¹ - Из воспоминаний преосвященного митроп. Филарета, в «Прав. Обзор.» 1868 г., т. 26, стр. 512.

³² - Комиссия отделила преподавание церковных древностей от еврейского языка именно ввиду затруднений, вышедших относительно Фесслера, и для преподавания этого предмета перевела из семинарии иеродиакона Филарета (Дроздова). Феофилакт упрекал потом Комиссию, что она не изъяснила повода к этому распоряжению, который заключался в непригодности Фесслера к преподаванию этой науки.

³³ - Чтения в Обществе истории и древн. росс. 1859 г., кн. 2.

³⁴ - Жизнь графа М. М. Сперанского, ч. I, стр. 258.

³⁵ - В одном из этих §§, именно в 143, сказано: «между древним Платоном есть первый столп истинной философии. В писаниях его и к писаниям лучших его последователей, профессор должен искать основательного философского учения; но при сем должен приметить, что никогда не найдет он учения в отрывках и кратких извлечениях, на разные его мысли изданных. В них странным образом, невежеством толкователей, все обезображено. Истинной его системы должно искать прилежным и долговременным испытанием и упражнением в подлинных его сочинениях. Из новейших философов тех должно предпочтительно держаться, кои ближе его держались».

³⁶ - Жизнь графа Сперанского, ч. I, стр. 259.

³⁷ - Ввиду интереса, возбужденного всем ходом этого дела относительно Феофилакта, считаем долгом сообщить некоторые малоизвестные сведения о дальнейших отношениях его к академии. В ноябре 1810 года Феофилакт представил в Комиссию д. у. перевод Эстетических рассуждений Ансильйона для издания его в виде пособия студентам по классу словесных наук. «Я ручаюсь, – писал он в своем предложении Комиссии, –

не только за верность перевода, но и за то, что издание в свете сих превосходных и единственных в своем роде рассуждений не малую принесет пользу обучающимся словесности в высших духовных училищах». Чтобы не подвергать сочинений и переводов членов Комиссии действию духовной цензуры на общих основаниях, Комиссия постановила рассматривать их чрез одного из членов по ее назначению, и в этот раз перевод Ансильйона поручила на рассмотрение духовнику Его Величества П. В. Криницкому. Между тем, с перемещением в академию Филарета, положение дел изменилось. Возникло соперничество между двумя молодыми учеными монахами – Филаретом, который примкнуть к м. Амвросию, и Леонидом (Зарецким), товарищем Филарета по семинарии, которого Феофилакт, в помощь себе по профессорству, вызвал из Калуги и вел в ректоры академии. Феофилакт старался привлекать к себе публику в Петербурге своими проповедями. «Раз, – говорим собственными словами Филарета из его «воспоминаний», – раз ввел он в свою проповедь изображение человека престарелого, обремененного службой, из-за которого управляет делами молодой человек: это намекал он на м. Амвросия и на меня. Слухи об этом ходили повсюду, так что и решился донести об этом митрополиту и указал ему способ к прекращению таких проповедей на будущее время, именно напомнил ему 20-е правило 6-го вселенского собора, которым воспрещается проповедовать в чужой епархии. Тот предложил это указание самому Феофилакту в Св. Синоде и Феофилакт в самом деле перестал проповедовать». (Парвосл. обозр. 1868 г. ч. 26, стр. 516). В марте 1812 . открылось место ректора в академии. Митрополит предложил в ректоры Филарета, Феофилакт – Леонида. Комиссия утвердила избрание Филарета. Сперанского уже не было в Комиссии. Все дела ее вел князь Голицын. – До сих пор были счеты с Феофилактом: теперь пришло время полного расчета. Перевод «Эстетических рассуждений» лежат два года у П. В. Криницкого. Конечно, это не было делом простой медлительности. Феофилакт видел, откуда идут препятствия и, надеясь еще на свою силу, хотел, по крайней мере, с честью выйти из затруднительного положения.

В июле 1813 года он внес в Комиссию предложение, в котором писал: «долгое время не видя никакого отзыва насчет перевода Ансильйона, я словесно просил отца Духовника отдать мне его обратно, в чем он меня и удовлетворил. Поелику же переведенная книга, по содержанию своему, не подлежит рассмотрению духовной цензуры для издания оной в свете, да и предлагаема была мной не для того, чтобы получить дозволение напечатать ее, но чтобы ввести ее в высшие духовные училища в роде книги вспомогательной: то я подверг перевод Ансильйона рассмотрению гражданской цензуры, с дозволения коей ныне уже и печатается». При слушании сего Духовником Его Величества словесно предложил, что означенные рассуждения, но исправлении некоторых мест в оных, могут быть напечатаны; на что преосв. архиепископ рязанский отозвался, что таковые исправления им – преосвященным уже сделаны. Дело на этом, однако же, не остановилось. Предместник Филарета по ректорству, Сергей, посвященный в епископы в Кострому, тогда же обнадёживал его на счет Феофилакта: «уверяют тебя, ты сбудешь этого Бриэна; непременно сбудешь; я видел во сне» (воспомин. преосв. Филарета, там же, стр. 517). Преосв. Филарет говорил потом, что этот сон сбылся. Воспользовавшись тем, что на заглавном листе книги она названа была переводом студентов духовной академии, Филарет написал на нее пространные замечания и, не выступая своим лицом, просил м. Амвросия дать этому делу ход от его имени и лица. Когда все было подготовлено, м. Амвросий, 24 сент. 1813 г., дал предложение академическому правлению, которым поручал: ректору – представить свои замечания на эту книгу, с мнением следует ли ее употреблять на лекциях; от Леонида взять показание, с чьего дозволения и почему он приступить к такому употреблению ее на лекциях; от студентов (Павского, Кутневича, Малова и др.) отобрать объяснение, по собственному ли или постороннему какому-либо убеждению они упражнялись в переводе этой книги; книгу, между тем, отобрать у студентов и употребление ее в классе воспретить. Ректор архим. Филарет заявил, что книги этой в академии употреблять не следует, потому что она не показана в

списке пособий по классу эстетики, относится к светской, а не духовной словесности и, наконец, заражена пантеизмом и натурализмом, который переводчиком хотя и замечен и в некоторых местах смягчен, но совсем исправлен быть не мог. 4-го октября митрополит Амвросий внес эти замечания в Комиссию, которая, отстранив преосвящ. Феофилакта (11 октября) от совещаний по этому предмету, признала действия его несообразными. Но с определением ее (т. е. собственно двух членов ее – митрополита Амвросия и кн. Голицына) не согласились духовник П. В. Криницкий и И. С. Державин, которые подали особые мнения. П. В. Криницкий писал: «критика должна быть проста и ясна: сего я в замечаниях ректора академии архимандрита Филарета не нахожу; а напротив того, замечания наполнены то вопросами, сомнению подлежащими, то заключениями софистическими, да и написанных в противность § 5 в проекте устава духовных академий, в котором согласно § 129 начертания правил, с таковым дополнением, чтоб неупустительно извещало Комиссию и о тех предложениях, которые исполняются по общему членов согласию. Но о том, писать ли замечания или нет, в Комиссии и рассуждаемо не было, и, что еще дерзновеннее, помянутые замечания без решения Комиссии д. у. уже и напечатаны, и уже продаются. Кто бы подумал, чтоб учитель – истинной богословии позабыл сии святыя нашей веры предписания: всяка душа властям предержащим да повинуется. Сколько такой пример дурной, вредный, и, что всего более, опасный!» – И. С. Державин представлял, между прочим, что «дать неоспоримую достоверность замечаниям о. ректора академии Филарета и основать заключение свое по единственному содержанию оных, что книга сия заключает в себе пантеизм или натурализм, не отобрав от издателя сея книги, преосвященного архиепископа Феофилакта, о точности разума выставленных сомнительных пунктов, объяснения, или опровержения на сделанные о. ректором замечания, и без существеннейшего, чрез сложение того и другого, изыскания истины, справедливым и законами согласным он не находит». «Я не могу не присовокупить, – писал он в заключении своего

мнения, – что замечания о. ректора академии Филарета извлечены во многих местах из одних слов, без соображения с связью полного смысла и вообще слабы и неудовлетворительны». Феофилакт представил, на замечания Филарета, свои опровержения, но Комиссия не приняла их в уважение. Между тем, по случаю произошедшего несогласия в мнениях членов Комиссии, князь А. Н. Голицын, 11 окт. 1813 г., представил это обстоятельство на Высочайшее разрешение. Высочайшая воля по этому предмету состояла в том, чтобы архиепископа рязанского не допускать к напечатанию опровержений его. Но мнения духовника Его Величества П. В. Криницкого и обер-священника И. С. Державина уважены в том отношении, что определение Комиссии относительно замечания преосв. Феофилакту о несообразности его поступка и представления о том Св. Синоду, оставлены без действия. – Вслед за тем, 11 ноября, Феофилакт уволен в свою епархию, а привлеченный к ответственности помощник его по профессорству, архим. Леонид, внезапно скончался 23 ноября. – В 1817 о. Феофилакта перевели в Грузию, которая полвека назад была, конечно, не то, что ныне. Просвещенный экзарх устроил и оживил этот неустроенный край во всем, что касалось до духовных, иерархических и миссионерских дел, и награжден за это в 1819 г. саном митрополита, в 1821 орденом св. Владимира 1 степени. Преосв. Феофилакт скончался 19 июля 1821 года, на 55-м году жизни.

³⁸ - Русск. Арх. 1870 г., стр. 614, 618.

³⁹ - Русск. Арх. 1867 г., стр. 447. Удаление Сперанского последовало 17 марта 1812 г. Следовательно, беседы его с Государем упадают именно на то время, к которому относится рассматриваемое нами дело Фесслера.

⁴⁰ - «Каждая добрая мысль, – писал он к дочери, – есть предтеча рождающегося в нас Христа; каждое движение, каждый вздох к небесному нашему Отцу есть предчувствие тайного присутствия Его Сына». Русск. Арх. 1868 г. стр. 1123.

⁴¹ - Библиогр. Записки, т. III, стр. 528.

⁴² - Русск. Арх. 1870 г., стр. 174–177 .

- 43 - Русск. Архив. 1870 г., стр. 180.
- 44 - Там же, стр. 186.
- 45 - Русск. Арх. 1868 г., стр. 1110.
- 46 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 125.
- 47 - Там же, стр. 201.
- 48 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 192.
- 49 - Там же, стр. 195.
- 50 - Лабзин, издатель Сионского вестника
- 51 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 197.
- 52 - Библиогр. Записки, т. III. Стр. 532–533.
- 53 - Русск. Арх. 1868 г., стр. 1726.
- 54 - Библиогр. Записки, т. III, стр. 530.
- 55 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 199. «В Москве, писал он к дочери из Пензы 14 ноября 1816 г., я встретил начертание церковно-библейской истории, сочинение Филарета, и прекрасное. Советую тебе ее достать чрез Цейера и читать понемногу; и слог и мысли превосходные, хотя изъяснение не восходит выше простого буквально смысла». Русск. Арх. 1868 г., стр. 1112.
- 56 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 195.
- 57 - До сих пор не решен вопрос о писателе этой книги. Многие приписывают ее Жереону; иные Бернарду; между тем, как в первый раз она явилась с именем Фомы Кемпийского, так и до сих известна под его именем.
- 58 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 609 – 616.
- 59 - Добротолубие есть перевод греческой книги, имеющей тоже название (Филокалия) и составляющей выбор некоторых мест из сочинений знаменитого Оригена. Выбор этот сделан Василием Великим и Григорием Богословом.
- 60 - Русск. Арх. 1870 г., стр. 191.
- 61 - Моисей Гумилевский, из учителей и префектов московской академии, епископ феодосийский. Ум. в 1792 г.
- 62 - Жизнь графа Сперанского, ч. 2, стр. 99.